

Б. Н. Тихомиров

РЕВНОСТЬ ДОСТОЕВСКИХ*

Дмитрию Андреевичу Достоевскому
и его семье
с любовью посвящается

Тема ревности как наследственной черты характера у членов рода Достоевских в силу скудости документальных источников по этому вопросу не получила углубленной разработки в специальной литературе. Но поскольку имеющиеся данные позволяют говорить о *повторяемости* патологических проявлений ревности у мужчин по крайней мере в *четырёх поколениях* Достоевских, а также потому, что безосновательные подозрения одним из супругов другого в неверности (а именно — мужем жены) могут иметь следствием *искажение* действительной картины истории рода, в генеалогическом труде этот вопрос не может быть обойден молчанием.

В 1881 г., вскоре после смерти мужа, Анна Григорьевна Достоевская начала делать в своей записной книжке разрозненные мемуарные заметки, касающиеся различных сторон их семейной жизни с Федором Михайловичем. Некоторые из этих записей нашли отражение в самой ранней по времени биографии писателя, составленной О. Ф. Миллером и Н. Н. Страховым и помещенной в первом томе посмертного собрания сочинений Достоевского (1883). Были среди них и такие, в которых кратко зафиксированы рассказы писателя жене о своем детстве (возможно, дополненные также сведениями, полученными А. Г. Достоевской от других родственников). «Родился в Марининской больнице, в правом флигеле, внизу <...> — записывает А. Г. Достоевская. — Затем переехали в левый флигель, где и жили до отставки отца. Для Мих<аила> и Фед<ора> Мих<айловичей> была темная комната, учились они в зале, где и сидели, уткнувши носы в свои книги. Но лишь только отец уезжал на практику, то бросали книги и шли к матери <...> Отец был угрюмый, нервный, подозрит<ельный>, рев<нивый>»¹. Выделенная характеристика Михаила Андреевича Достоевского почти дословно была включена в названное выше жизнеописание писателя, однако в усеченном виде, что, по-видимому, явилось следствием автоцензуры самой А. Г. Достоевской или одного из составителей биографии — О. Ф. Миллера: «...он (М. А. Достоевский. — Б. Т.) был человек угрюмый,

* Настоящая статья написана для включения в расширенное переиздание книги: Валочкой М. В. Хроники рода Достоевского (1933), которое должно выйти в Москве в 2006 г. Публикуется с согласия составителей.

¹ Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 277.

нервный, подозрительный»². В результате сделанной купюры мы в течение полувека, вплоть до 1930-х гг., не находим в биографической литературе о Достоевском никаких упоминаний о *ревности* как черте характера отца писателя.

В 1939 г. в свет вышла книга В. С. Нечаевой «В семье и усадьбе Достоевских», где была опубликована переписка родителей писателя середины 1830-х гг. Ряд писем датирован летом 1835 г., когда Мария Федоровна Достоевская была беременна последним — седьмым — ребенком, дочерью Александрой (родилась 25 июля). Письма М. Ф. Достоевской от 31 мая и от 8–10 июня 1835 г. приоткрывают краешек завесы над печальной драмой, которая разыгралась в этом году в семье Достоевских. «До сих пор, милый друг мой, я утешала тебя, сколько могла, в душевной грусти твоей, — пишет мать писателя мужу в первом из писем, — а теперь не взъщи и на мне. Последнее письмо твое сразило меня совершенно; пишешь, что ты расстроен, растерзан душою так, что в жизни своей никогда не испытал такого терзания <...> ответы твои на письма мои столь холодны и отрывисты, что я не знаю, отчего такая перемена. <...> В прошедшем письме твоём ты упрекнул меня изжогою, говоря, что в прежних беременностях я ее никогда не имела. Друг мой, соображая всё сие, думаю, не терзают ли тебя те же губительные для обоих нас и несправедливые подозрения в неверности моей к тебе, и ежели я не ошибаюсь, то клянусь тебе, друг мой, самим Богом, небом и землею, детьми моими и всем моим счастьем и жизнью моею, что никогда не была и не буду преступницею сердечной клятвы моей, данной тебе, другу милому, единственному моему пред святым алтарем в день нашего брака. Клянусь также, что и теперешняя моя беременность есть седьмой крепчайший узел взаимной любви нашей <...>; довольно ли сей клятвы для тебя, которой я никогда еще не повторяла тебе, во-первых, потому, что стыдилась себя унижить клятвою в верности моей на шестнадцатом году нашего союза; во-вторых, что ты по предубеждению своему мало расположен был выслушать, а не только верить клятвам моим; теперь же клянусь тебе, щадя твое драгоценное спокойствие...»³ «...Не терзают ли тебя те же губительные для обоих нас и несправедливые подозрения в неверности моей к тебе», — высказывает догадку М. Ф. Достоевская, очевидно вспоминая в этих словах о каком-то *имевшем место ранее* инциденте, когда муж «мало расположен был выслушать, а не только верить клятвам» ее. Что же это мог быть за инцидент?

Младший брат писателя вспоминает в своих мемуарах: «Один выдающийся случай, которому я был свидетелем, сделал на меня сильное впечатление, и я никогда не забывал его и теперь помню очень хорошо, через 60 лет с лишком! Дело было так. Раз вечером, в зале, родители ходили вместе и о чем-то серьезно разговаривали. Маменька что-то со-

² Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. Т. 1: Биография, письма и заметки из записной книжки. С. 20.

³ Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М., 1939. С. 105–106.

общила отцу, и он сделался видимо очень удивлен и опечален. Потом маменька разразилась сильным истерическим плачем <...> со временем, когда я сделался взрослым и вспоминал эту сцену, то, сопоставив последующие обстоятельства, разгадал причину этой сцены. <...> родители разговаривали и делали предположения на будущее лето (разговор происходил в конце 1834 г. — Б. Т.) о поездке в деревню, причем, вероятно, маменька заметила, что нельзя наверно рассчитывать, а сообщила папеньке, что она подозревает, что ее постигла вновь беременность. Услышав это, папенька, вероятно, неосторожно высказал свое неудовольствие, что и вызвало со стороны маменьки истерический плач»⁴. Это мемуарное свидетельство и приведенные строки из письма М. Ф. Достоевской, как кажется, выразительно друг друга дополняют и комментируют. Впервые поставившая их во взаимную связь В. С. Нечаева пишет: «...причина сцены, наблюдавшейся Андреем, была много сложнее: М. А. Достоевский заподозрил жену в неверности, результат которой видел в беременности, о чем, очевидно, ей и сообщил»⁵.

Но продолжим чтение переписки. «...Ты знаешь, — возвращается мать писателя в письме от 8–10 июня к начатому объяснению с мужем, — что для меня всегда было невыносимо горько видеть тебя в сей лютой и несправедливой горести, колыми же паче теперь, в разлуке, представлять тебя в своем воображении грустным, расстроенным даже до отчаяния, и от чего же, от ложного понятия, которое Бог знает отчего тебе приходит в голову. <...> я может быть раз 50 перечитала твое письмо, думала и передумывала, что бы такая за отчаянная грусть терзала тебя, которой ты в жизни своей не имел; наконец мелькнула сия гибельная догадка, как стрелой пронзила и легла на сердце. Горестное предчувствие утвердило меня в сей догадке; и поверишь ли, друг мой, я света Божьего не взвидела; нигде не могла найти себе ни места, ни отрады. Три дня я ходила как помешанная. Ах, друг мой, ты не поверишь, как это мучительно. <...> Я не сомневаюсь в любви твоей и чту твои чувствования, боготворю ангельски твои правила, но сама, хотя и люблю еще более, люблю без всяких сомнений, с чистою, святою доверенностию, и любви моей не видят, не понимают чувств моих, смотрят на меня с низким под<озрением>, тогда как я дышу моею любовию. <...> и вот удел мой, вот награда непорочной, страстной любви моей; и ежели бы не подкрепляла меня чистая моя совесть и надежда на провидение, то конец судьбы моей самый был бы плачевной. Прости мне, что пишу резкую истину чувств моих. Не клянусь, не ненавижу, а люблю, боготворю тебя и делю с тобою, другом моим единственным, всё, что имею на сердце, прости, дражайший друг мой. <...> заклинаю тебя твоею же любовию, не огорчайся и не сокрушайся обо мне, я давно уже покорилась судьбе моей и обтерпелась»⁶. «Хотя из этих слов и явствует, — пишет В. С. Нечаева, — что тяжела была жизнь Марии

---

⁴ Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992. С. 73.

⁵ Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М., 1979. С. 30.

⁶ Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. С. 109–110.

Федоровны в браке с подозрительным, болезненно раздражительным и вспыльчивым мужем, но явствует также и то, что она сохраняла в себе огромную силу воли, смелость и чувство своего достоинства, которые позволили ей дать отпор мужу тогда, когда он затронул своими подозрениями наиболее глубокие ее чувства. В ответ на обвинение в измене, результатом которой будто явилась ее беременность, она ответила письмом, исполненным сознания своей правоты, проникнутым пафосом подлинного чувства, оскорбленного мелочными грязными подозрениями»⁷. Добавим от себя, что процитированное письмо имеет значение отнюдь не частного свидетельства об единичном инциденте, когда на шестнадцатом году семейной жизни М. А. Достоевский обвинил жену в супружеской неверности. Нет, мать писателя сетует здесь, что ей «всегда было невыносимо видеть» мужа «в сей лютой и несправедливой горести», но что она «давно уже покорила судьбе» своей и «обтерпелась». То есть речь идет о *постоянной* черте характера Михаила Андреевича, не однажды проявлявшейся в семейных отношениях супругов. В этой связи приобретает особое значение, что в предельно лаконичной характеристике отца писателя, восходящей, судя по всему, к рассказам о нем его сына, А. Г. Достоевская выделила *ревность* (наряду с *подозрительностью*) как одну из важнейших черт характера М. А. Достоевского: «Отец был угрюмый, нервный, подозрит~~ельный~~, **ревнивый**».

«Отметим, что эти пронизанные чувством обиды и искренней любви письма жены не убедили Михаила Андреевича, — продолжает В. С. Нечаева. — Следующее его письмо полно новыми подозрениями против жены, он принимает тон глубоко оскорбленного человека и стремится уязвить ее, говоря о своих собственных семейных добродетелях, очевидно намекая на ее „безнравственность“»⁸. «... Не сердись на меня за правду, — пишет М. А. Достоевский жене в письме от 23 июня 1835 г., — внушенную мне чистую, искреннюю, постоянной и **оскорбленную любовью**; обо мне не беспокойся, я здоров и как всегда пекусь о щастии моего семейства, **о нравственности моих детей и теперь более, чем когда...**»⁹

«Конечно, наследственность не исчезла (да и куда ей деваться?) — пишет И. Л. Волгин, переходя к разговору о Ф. М. Достоевском. — Хотя сын и обладал качествами, как будто не совпадающими с отцовскими, — такими, как щедрость, широта, исключительная душевная отзывчивость на чужую боль, — несмотря на это, **по ряду психических признаков он действительно напоминает отца**»¹⁰. Соглашаясь с биографом писателя в принципе, подчеркнем свойство, не отмеченное И. Л. Волгиным: одной из таких общих с М. А. Достоевским черт в его сыне является гипертрофированная ревность, хотя проявлялась она по преимуществу в других фор-

⁷ Там же. С. 27. Ср.: Нечаева В. С. Ранний Достоевский. С. 31.

⁸ Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. С. 27.

⁹ Там же. С. 110–111.

¹⁰ Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский и современники: Жизнь в документах. М., 1991. С. 139.

мах: была не «хронической», мелочно-упрёчной, глеющей, как подземный пожар на торфяном болоте, а бурной, взрывной, но одновременно и отходчивой, сопровождавшейся чувством собственной вины...

Воспоминания второй жены писателя, А. Г. Достоевской, как важнейший источник для биографов великого романиста при всех своих бесспорных достоинствах имеют один очевидный «минус»: Анна Григорьевна склонна сглаживать в своих мемуарах «острые углы», наносить на образ «дорогого мужа» «хрестоматийный глянец». Тем более значимыми для нашей темы оказываются ее свидетельства о вспышках по отношению к ней беспричинной ревности со стороны Достоевского. Вот один из рассказанных ею эпизодов:

«К сожалению, <...> мои выезды в свет нередко омрачались для меня совершенно неожиданными и ни на чем не основанными приступами ревности Федора Михайловича, ставившими меня иногда в нелепое положение. Приведу один такой случай.

В один из <...> литературных вечеров мы с Федором Михайловичем несколько запоздали, и прочие участники вечера были уже в сборе. При нашем входе все они дружески приветствовали Федора Михайловича, а мужчины поцеловали у меня руку. Этот светский обычай (целование руки), видимо, произвел неприятное впечатление на моего мужа. Он сухо со всеми поздоровался и отошел в сторону. Я мигом поняла, в чем дело. Обменявшись несколькими фразами с присутствовавшими, я села рядом с мужем с целью рассеять его дурное настроение. Но это мне не удалось: на два-три вопроса Федор Михайлович мне не ответил, а затем, взглянув на меня „свирепо“, сказал:

— Иди к нему!!

Я удивилась и спросила:

— К кому к нему?

— Не по-ни-маешь?

— Не понимаю. К кому ж мне идти? — смеялась я.

— К тому, кто так страстно сейчас поцеловал твою руку! <...>

Весь этот разговор Федор Михайлович вел вполголоса, однако так, что сидевшие вблизи отлично все слышали.

<...> в первый же антракт распорядитель опять подошел ко мне с настоятельной просьбой от моего мужа прийти к нему. Я поспешила в читательскую, подошла к моему дорогому мужу и увидела его смущенное, виноватое лицо. Он нагнулся ко мне и чуть слышно проговорил:

— Прости меня, Анечка, и дай руку на счастье: я сейчас выхожу читать!

Я была донельзя довольна, что Федор Михайлович успокоился, и только недоумевала, кого из присутствовавших лиц (все как на подбор были более чем почтенного возраста) он заподозрил во внезапной любви ко мне. Только презрительные слова: „Ишь французишка, так мелким бесом и рассыпается“, — дали мне понять, что объектом ревнивых подозрений Федора Михайловича на этот раз оказался старик Д. В. Григорович (мать его была француженка).

Вернувшись с вечера, я очень журила мужа за его ни на чем не основанную ревность. Федор Михайлович, по обыкновению, просил прощения, признавал себя виноватым, клялся, что это больше не повторится, и искренно страдал раскаянием, но уверял, что не мог превозмочь этой внезапной вспышки и в течение целого часа безумно меня ревновал и был глубоко несчастлив.

Сцены такого рода повторялись почти на каждом литературном вечере: Федор Михайлович непременно посылал распорядителей или знакомых посмотреть, где я сижу и с кем разговариваю. Он часто подходил к полуотворенной двери читательской и издали разыскивал меня на указанном мною месте. <...> Мне это наскучило, и я однажды, еду на литературный вечер, сказала Федору Михайловичу:

— Знаешь, дорогой мой, если ты и сегодня будешь так всматриваться и меня разыскивать среди публики, то, даю тебе слово, я поднимусь с места и мимо эстрады выйду из залы.

— А я спрыгну с эстрады и побегу за тобой узнавать, не случилось ли чего с тобой и куда ты ушла?

Федор Михайлович проговорил это самым серьезным тоном, и я убеждена в том, что он способен был решиться, в случае моего внезапного ухода, на подобный скандал¹¹.

Надо отдать должное А. Г. Достоевской: она расчетливо выбрала «такой случай», когда ревность мужа совершенно «фантастическим» образом имела своим объектом «старика Д. В. Григоровича», и попыталась рассказать об этом в юмористическом ключе. Но, читая этот рассказ, можно почувствовать, что в момент самого инцидента жене писателя было далеко не до смеха. А каким Достоевский мог бывать, когда у его ревности возникали хоть какие-то «действительные» основания, Анна Григорьевна поведала в истории с «литературной мистификацией», на которую она опрометчиво решилась, чтобы разыграть мужа:

«18 мая 1876 года произошел случай, о котором я вспоминаю почти с ужасом. Вот как было дело: в „Отечественных записках“ того года печатался новый роман С. Смирновой под названием „Сила характера“. <...> В романе, между прочим, было помещено анонимное письмо, посланное каким-то негодяем герою романа». В письме сообщалось, что жена героя изменяет ему с неким «брюнетом», который «любит ваши пороги обивать». «А коли вы мне не верите, — заканчивалось письмо, — так у вашей супруги на шее медальон повешен, то вы посмотрите, кого она в этом медальоне на сердце носит...»

«...И вот <...> по прочтении анонимного письма, — пишет А. Г. Достоевская, — у меня мелькнула в голове шаловливая мысль переписать это письмо (изменив и вычеркнув две-три строки, имя, отчество) и послать его на имя Федора Михайловича. Мне представлялось, что он, только вчера прочитавший это письмо в романе Смирновой, тотчас же догадается,

¹¹ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 341–343.

что это шутка, и мы вместе с ним посмеемся». Но легкомысленный расчет Анны Григорьевны не оправдался. По прочтении Достоевским полученного по городской почте анонимного письма между супругами произошла такая сцена:

«Федор Михайлович гневно посмотрел на меня, прошелся еще раза два по комнате и остановился почти вплоть против меня.

— Ты носишь медальон? — спросил он каким-то сдавленным голосом.

— Ношу.

— Покажи мне его!

— Зачем? Ведь ты много раз его видел.

— По-ка-жи ме-даль-он! — закричал во весь голос Федор Михайлович; и я поняла, что моя шутка зашла слишком далеко, и, чтобы успокоить его, стала расстегивать ворот платья. Но я не успела сама вынуть медальон: Федор Михайлович не выдержал обуревавшего его гнева, быстро надвинулся на меня и изо всех сил рванул цепочку. Это была тоненькая, им же самим купленная в Венеции [цепочка]. Она мигом оборвалась, и медальон остался в руках мужа. Он быстро обошел письменный стол и, нагнувшись, стал раскрывать медальон. Не зная, где нажать пружинку, он долго с ним возился. Я видела, как дрожали его руки и как медальон чуть не выскользнул из них на стол. <...> Я заговорила дружески и предложила открыть сама, но Федор Михайлович гневным движением головы отклонил мою услугу. Наконец муж справился с пружиной, открыл медальон и увидел с одной стороны — портрет нашей Любочки, с другой — свой собственный. Он совершенно оторопел, продолжал рассматривать портрет молча».

Заканчивается описание инцидента таким диалогом:

«— Просто хотела пошутить, — объясняла я.

— Разве возможны такие шутки? Ведь я измучился в эти полчаса! <...> Ведь я в гневе мог задушить тебя! <...> Умоляю тебя, не шути такими вещами, в ярости я за себя не отвечаю! <...>

Я искренно раскаивалась, что заставила помучиться Федора Михайловича, и дала себе слово никогда в жизни не шутить с ним в таком роде, узнав по опыту, до какого бешеного, почти неменяемого состояния способен в эти минуты ревности доходить мой дорогой муж»¹².

Сын писателя, Федор Федорович Достоевский, также унаследовал эту родовую черту, проявлявшуюся у него в таких же, как у отца, бурных формах. Впрочем, его биография изучена слабо, нет специальных работ, посвященных его личности. Но одно свидетельство, принадлежащее его второй жене, Е. П. Достоевской, подтверждает справедливость нашего заключения. В 1950 г., в открытом письме в редакцию парижского журнала «Возрождение», объясняя, почему еще в предреволюционные годы они разошлись с сыном писателя, Екатерина Петровна, в частности, писала: «...с годами чрезвычайно тяжелый, неуравновешенный характер Федора

---

¹² Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 290–294.

Федоровича, порою переходящий всякие границы, когда он в порыве ни на чем не основанной ревности схватывал револьвер, чтобы меня застрелить, а также и его безудержная страсть к азарту — во всех видах — заставили меня решиться разойтись с ним»¹³. Лаконичное, но выразительное, это свидетельство говорит само за себя и вполне достаточно, чтобы, не прерывая линии семейной преемственности, мы могли перейти к сыну Федора Федоровича, внуку писателя, в котором эта наследственная черта достигла, как кажется, предельного в своей болезненности выражения. (А может быть, просто в этом случае в распоряжении исследователей оказывается больше документальных свидетельств, поскольку от событий, которым будет посвящена заключительная часть статьи, нас отделяет всего несколько десятилетий.)

Предваряя рассмотрение в интересующем нас отношении характеристических черт внука Ф. М. Достоевского, важно подчеркнуть особую важность поднимаемого в настоящем случае вопроса, поскольку Андрей Федорович Достоевский является *единственным* человеком, от которого мы имеем прямых потомков писателя, живущих и в настоящее время. Однако сам А. Ф. Достоевский при своей жизни неоднократно делал устные и письменные заявления, суть которых сводилась к тому, что с его смертью род Достоевских заканчивает свое существование. Так в письме в Париж своей двоюродной сестре баронессе Ольге Фальц-Фейн от 5 февраля 1963 г. А. Ф. Достоевский писал: «...моя дочь Татьяна, отчужденная от меня волей тупой и злой матери — моей довоенной жены, выйдя замуж, не пожелала оставить за собой фамилии своего прадеда. Приняв фамилию мужа, она тем самым отеклась от имени Достоевского и рожденного год назад ребенка поставила тоже на фамилию мужа. Значит, о ней и речи нет как о Достоевской, хотя формально она его правнучка. Не хочет быть Достоевской — не мое дело возвращать ее в „лоно“. Других детей у меня не было, нет и не будет. Следовательно, продолжения прямых Достоевских нету. <...> Кстати, сохрани-ка эти строки, чтоб это был документ: сколько небылиц писали после смерти Федора Михайловича, Анны Григорьевны и даже моего отца — Федора Федоровича. Найдется какой-нибудь „мудрец“ написать что-нибудь обо мне и моем потомстве, т. е. о прямых Достоевских! Специально подписываю всё, что здесь изложил, чтоб это был неопровержимый документ — *А. Достоевский*»¹⁴. То же внук писателя утверждал в письме от 10 июля 1966 г. сотрудникам Брестского краеведческого музея: «...из многосемейного и многодетного рода Досто-

¹³ Возрождение (Париж). 1950. Март-Апрель. С. 190.

¹⁴ Подпись стоит прямо посередине письма, которое затем продолжается; рядом поставлен личный штамп А. Ф. Достоевского с указанием его адреса в Ленинграде, телефона и вписанной датой. Печатается по ксерокопии, хранящейся в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в Петербурге. Процитированный фрагмент с одной купюрой (касающейся характеристики Т. В. Достоевской) был опубликован А. Ивановым (А. И. Натовым) в статье «У могилы Ф. М. Достоевского» (The New Review / Новый журнал (Нью-Йорк). 1988. № 172-173. С. 362).

евских (отступая назад на три–четыре поколения) остался я „на всё и для всего“ единственный»¹⁵.

С легкой руки А. Ф. Достоевского утверждение о том, что с его смертью род Достоевских прекратил свое существование, не однажды появлялось в печати.¹⁶

Однако у исследователей есть все основания считать, что подобные декларации внука писателя не имеют под собой реальных оснований и являются следствием патологической ревности и подозрительности, которые в этом представителе рода Достоевских приобрели уже открыто маниакальный характер. В придачу здесь мы располагаем официальными материалами рассмотрения вопроса в судебной инстанции, которая вполне определенно сформулировала заключение о безосновательности подозрений в супружеской неверности, высказанных в иске Андрея Федоровича Достоевского к его первой жене Татьяне Владимировне Достоевской, и отказала в аннулировании записи отцовства в отношении его сына Дмитрия.

Симптомы наследственной психологии начали сказываться у А. Ф. Достоевского еще в юношеском возрасте. Близко знавшая его в 1928–1930 гг. в Симферополе Е. Б. Польская свидетельствует, что уже в те годы он был «скрытно ревнив (как дед)»¹⁷. С годами это чувство начало приобретать у внука писателя внешний, бурный характер. Вспышки неистовой ревности и агрессивности проявлялись в поведении А. Ф. Достоевского не однажды. Так, швейцарские исследовательницы Т. Вагнер–Симон и И. Хэфели–Грауен, предпринявшие попытку продолжить изучение истории рода Достоевского за период после выхода книги М. В. Волоцкого и для этой цели собиравшие в Петербурге (Ленинграде) мемуарные свидетельства, сообщают со слов одной из близких к внуку писателя женщин, с которой он «был в течение долгого времени связан любовными отношениями», что тот «пытался помешать ей выйти замуж за ее будущего мужа» и «однажды <...> хотел выбросить ее из мчащейся машины»¹⁸. Но это была хотя и интимно близкая, но не связанная с А. Ф. Достоевским узами законного брака женщина. В отношении же к его первой жене припадки ревности и подозрительности приняли в А. Ф. Достоевском особенно мрачный и отталкивающий характер, осложненный дополнительно комплексом «внука писателя», блюстителя «чистоты рода».

Начать обрисовку ситуации нам хотелось бы с сопоставления двух выразительных документов.

---

¹⁵ Цит. по: Новый журнал. 1988. № 172–173. С. 361–362.

¹⁶ См., например, в том же «Новом журнале» комментарий А. И. Натова к процитированным письмам; также см.: Психология судьбы. Сб. статей по глубинной психологии. Екатеринбург, 1996. Вып. 4. С. 174–175.

¹⁷ Польская Е. Б. «Внук писателя и его мать». Достоевские в Симферополе в 1928–1932 гг. // Мера. 1995. № 1. С. 137.

¹⁸ Вагнер–Симон Т., Хэфели–Грауен И. Семья Достоевских. Конституционно–психологическая документация с родовыми деревьями семьи Достоевских десяти поколений // Психология судьбы. Сборник статей по глубинной психологии. Екатеринбург, 1996. Вып. 4. Кн. 1. С. 176–177.

«1 мая 1945 г.

Родной мой!

Нинка послала тебе телеграмму, так что теперь ты уже наверно знаешь. У нас теперь с тобой трое ребят. Ночью с 21 на 22 апреля родились у меня сначала доченька, а через 40 минут сын. Бедных ребятшек я месяц не доносила, вес у них был по 2 кило. <...> Первые четыре дня я их и не видела, а теперь меня к ним пускают, но кормят их из рожков, потому что молока у меня нет. <...> О том, что у меня будут близнецы, я узнала дней за 10 до родов <...> Татка страшно ждет братишку и сестричку <...> Они друг на друга совсем не похожи, я этим очень довольна. Мне почему-то кажется, что сын похож на тебя, а дочка <1 нрзб.> совсем что-то непонятное, нечто более круглое, чем сын. <...> Есть еще возможность отсюда перевести их примерно на месяц в больницу Крупской (это на 13 линии) в отделение недоносков...»¹⁹.

«22 мая 1947 г.

Я, Достоевская Татьяна Владимировна, с 25 октября 1936 г. жена гр-на Достоевского Андрея Федоровича, в результате своей доброй воли объявляю, что нарушала свой супружеский долг, вступая в половую связь с посторонними мужчинами, причем в результате половых отношений с гр-ом Блиновым Иваном Михайловичем, имевших место в конце июня, в начале июля 1944 г. в городе Йошкар-Ола, мальчик, рожденный мною 22 апреля 1945 г. и зарегистрированный мною под именем Достоевского Дмитрия Андреевича, может являться сыном вышеупомянутого гр-на Блинова Ивана Михайловича.

(Подпись)»²⁰

Каким потрясающим диссонансом звучат два этих документа, написанные с интервалом в два года по одному и тому же поводу и одною и тою же рукой — рукой Татьяны Владимировны Достоевской, жены внука писателя — Андрея Федоровича Достоевского. Сколько любви и нежности в первом, сколько отчаяния и холодного презрения во втором. И если в одном из них содержится правда, то в другом заведомая ложь. Которому же из них верить?

Первый документ — письмо на фронт — имеет личный, глубоко интимный характер (хотя по условиям военного времени оно было просмотрено в соответствующих органах, о чем и свидетельствует фиолетовый штамп: «Проверено военной цензурой»). Второй документ — *сузубо* официальный. Это *нотариально заверенная* расписка от имени Татьяны Владимировны Достоевской, свидетельствующая «факт» ее супружеской неверности, фигурирующая в материалах судебного разбирательства.

Знакомясь с историей взаимоотношений Андрея Федоровича и Татьяны Владимировны Достоевских, перебирая старые, выцветшие документы,

¹⁹ РГАЛИ, ф. 212, оп. 4. № 3 (Письмо Т. В. Достоевской к А. Ф. Достоевскому от 1 мая 1945 г.).

²⁰ РГАЛИ, ф. 212, оп. 4. № 7 (Документ полностью процитирован в «Возражении Т. В. Достоевской на Кассационную жалобу А. Ф. Достоевского», 9 апреля 1952 г., с. 2).

знакомясь с аргументами pro и contra, исследователь проникается доверием к первому, исполненному искренней любви и нежности, личному письму. Надо также иметь в виду, что второй документ — «нотариально заверенную» расписку, свидетельствующую супружескую неверность ответчицы, суд не счел достаточным аргументом в пользу А. Ф. Достоевского: в материалах дела содержатся данные, согласно которым расписка была выдана Т. В. Достоевской «под влиянием угроз и насилия со стороны истца»²¹. Впрочем, для любого непредвзятого читателя это видно и невооруженным глазом: по своему стилю текст документа очень напоминает признательные показания—самооговоры на политических процессах 1930-х годов. «...Мы вместе разрабатывали текст этого письма (расписки. — Б. Т.)...» — заявил на суде А. Ф. Достоевский.²² «Он заставил меня подписаться под каким-то письмом, которого я никогда не видела и не писала...» — возражала Т. В. Достоевская.²³

Какова же предыстория этой судебной тяжбы, суть которой — в иске, поданном А. Ф. Достоевским весной 1951 г. (через *шесть лет* после рождения сына) в Октябрьский районный суд г. Ленинграда об аннулировании записи отцовства в отношении ребенка, *Дмитрия Андреевича Достоевского*, рожденного его женой Т. В. Достоевской 22 апреля 1945 г. (иске, повторим, который Андрей Федорович, по его собственному выражению, «с треском проиграл»²⁴)?

Собственные пояснения А. Ф. Достоевского на судебном процессе, вся линия его поведения не могут не вызвать крайнего недоумения у любого человека, знакомящегося с обстоятельствами дела. С первых дней Великой Отечественной войны внук писателя находился на фронте, жена с дочерью в эвакуации — в Йошкар-Оле. В середине лета 1944 г. часть, в которой служил А. Ф. Достоевский, отводят с фронта в Ленинград для перестройки. По свидетельству Т. В. Достоевской, прибыв в Ленинград (сроком на несколько месяцев), Андрей Федорович вызвал семью из эвакуации. Как можно быстрее — три года разлуки! — Татьяна Владимировна с дочкой «летят» на встречу с мужем и отцом. Что может быть естественнее, да еще в условиях военного времени! См., однако, позднейшую трактовку этого события А. Ф. Достоевским: «Внезапно, без предупреждения, бросив обожаемую сестру и вполне налаженную жизнь, в самых последних числах августа, стремительно, затратив всего три дня на дорогу, явилась в Ленинград ТВ (Татьяна Владимировна. — Б. Т.) с дочерью. <...> Для меня было ясно, что не простые причины толкнули ТВ

²¹ Решение Народного суда 11 участка Октябрьского района гор. Ленинграда от 20 марта 1952 года. Дело № 22. Печатается по заверенной машинописной копии, хранящейся в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге.

²² РГАЛИ, ф. 212, оп. 4, № 7 («Протокол судебного заседания по делу № 2574 в Народном суде 11 участка Октябрьского района Ленинграда», 17 мая 1951 г., с. 2).

²³ Там же.

²⁴ РГАЛИ, ф. 212, оп. 4, № 9 («Сведения, которые могут быть полезны при проведении развода А. Ф. Достоевского с Т. В. Достоевской», 1960, с. 7).

на этот внезапный и ничем не оправданный шаг. Однако свой внезапный приезд ТВ патетически мотивировала тем, что ребенку необходимо свидеться с отцом, что сама она измучилась от постоянных волнений за меня, что я еще не вышел из войны, которая еще неизвестно, чем для меня окончится и т. п., и пр.»²⁵. Комментарии, как говорится, излишни. Впрочем, за одним исключением. Датировка: «в самых последних числах августа» — является умышленным и многозначительным сдвигом против реальных сроков. Дело в том, что в автобиографическом документе, озаглавленном «СВЕДЕНИЯ, которые могут быть полезными при проведении развода А. Ф. Достоевского с Т. В. Достоевской», Андрей Федорович пишет: «Уже в двадцатых числах сентября ТВ заявила мне, что она беременна. Как ни наивен я бывал в подобных ситуациях, но это заявление еще больше укрепило меня в убеждении, что приезд ТВ таит в себе что-то скрытое...»²⁶ Этот расчет — один из главных «аргументов» внука писателя, на котором базируются все его последующие подозрения. Но в официальном документе — Кассационной жалобе на решение Народного суда от 20 марта 1952 г. — А. Ф. Достоевский заявляет, что интимные отношения с женой у него возобновились не «в самых последних числах», а — 18 августа 1944 г.²⁷ Однако передвижка в этом пункте сроков с конца на середину месяца в корне подрывает все его «арифметические» подозрения.

Рождение Т. В. Достоевской 22 апреля 1945 г. *недоношенной* двойни (девочка Ирина умерла в возрасте полутора месяцев) вызывает у ее мужа новый виток подозрений: «Если ранее во мне на основании личных и совершенно интимных наблюдений уже зародились подозрения, что Достоевская Т. В., вернувшись в Ленинград и встретившись со мной, уже была беременна, то теперь датой родов эти подозрения облеклись в реальность»²⁸. «По срокам же совершенно очевидно, что нормальные роды не могли произойти, если вести отсчет от конца августа — начала сентября»²⁹. Вновь еще один намеренный временной сдвиг — теперь уже на «начало

²⁵ РГАЛИ, ф. 212, оп. 4, № 9 («Сведения, которые могут быть полезны...», с. 4).

²⁶ Там же.

²⁷ РГАЛИ, ф. 212, оп. 4, № 7 («Кассационная жалоба Достоевского А. Ф. по делу с Достоевской Т. В.» от 30 марта 1952 г., с. 2).

²⁸ РГАЛИ, ф. 212, оп. 4, № 7 (Достоевский А. Ф. «Необходимые сведения о семье и себе»).

²⁹ «Сведения, которые могут быть полезны...», с. 5. Заметим в этой связи, что преждевременные роды имели место в семье Достоевских неоднократно. Так, младший брат писателя Андрей свидетельствует в своих мемуарах, что он «был несколько недоношен» и появления его «на свет Божий вовсе не ожидали так скоро, как оно совершилось» (Достоевский А. М. Воспоминания. С. 27). Раньше времени родилась и любимая бабушка Андрея Федоровича — Анна Григорьевна Достоевская, юмористически описавшая в своих воспоминаниях, как вела себя ее мать, «не ожидавшая так скоро предстоявшего ей „события“» (Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 38). По свидетельству Екатерины Петровны Достоевской (в письме от 14 февраля 1908 г. к свекрови, Анне Григорьевне), и сам Андрей Федорович «родился <...> вероятно, дней на 10 раньше срока», а его старший брат Федик «раньше срока на 3–4 недели» (ИРЛИ, ф. 100, № 30354; в «Хронике рода Достоевских» М. В. Волоцкого назван иной срок — «месяца на полтора раньше срока»). Не поэтому ли в порывах ревности бегал за женой с револьвером отец А. Ф. Достоевского — Федор Федорович?

сентября». И всё с одной единственной целью. Но рассмотрение вопроса в судебной инстанции, с учетом медицинских документов, данных судебно-медицинской экспертизы, а также свидетельских показаний медперсонала приводит к иному решению:

«...Согласно проведенной экспертизе крови у Достоевского — истца и Достоевского Дмитрия фиксируется одинаковая группа крови 0 (1), согласно заключению судебно-медицинской экспертизы срок зачатия ребенка Дмитрия 18 августа 1944 года ответчицей вполне вероятен с учетом преждевременности родов, в результате чего ребенок родился недоношенным. Это обстоятельство подтверждается всеми материалами дела, клинической картой родовспоможения № 004749, историей развития новорожденного. При таком положении у суда нет оснований не доверять ответчице, что расписка, уличающая ее в супружеской неверности, была ею выдана под влиянием угроз и насилия со стороны истца...»³⁰

Решением Народного суда Октябрьского района Ленинграда от 20 марта 1952 г. в аннулировании записи отцовства, а также в лишении ребенка Дмитрия Андреевича Достоевского родовой фамилии *Достоевских* истцу Андрею Федоровичу Достоевскому было отказано. Анализ всей совокупности документальных материалов, фигурировавших в судебном рассмотрении, убедительно свидетельствует, что у Т. В. Достоевской не могло быть мотива, приписанного ей ревнивыми подозрениями мужа, затевать «интригу» со «спешным приездом» из Йошкар-Олы единственно с коварной целью ввести А. Ф. Достоевского в заблуждение в отношении происхождения ее беременности. Установленные на суде сроки начала беременности — середина августа 1944 г. — однозначно удостоверяют, что Дмитрий Андреевич Достоевский является сыном Андрея Федоровича Достоевского и *прямым правнуком* великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского, законным членом рода *Достоевских*.

В заключение же отметим странное и грустное совпадение: в 1945 г. в семье правнука — А. Ф. Достоевского почти тождественно повторилась нравственно-психологическая ситуация, имевшая место ровно за 110 лет перед этим, в 1835 г., в семье его прадеда — М. А. Достоевского. Только в отличие от правнука, до мозга костей человека *советской эпохи*, прадед М. А. Достоевский в 30-е годы XIX в. конечно не мог и помыслить, даже пребывая в пароксизме ревности, чтобы выносить свои глубоко личные отношения с женой на суд *общественности*, собирать (или точнее фабриковать) уличающие «*ответчицу*» документы, в придачу оформляя их *нотариально*, публично, «*под протокол*» раскрывать интимные подробности супружеских отношений. Всё это — чудовищные приметы минувшего XX века.

О tempora! о mores!*

---

³⁰ Решение Народного суда 11 участка Октябрьского района гор. Ленинграда от 20 марта 1952 года. Дело № 22.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), номер гранта 04-04-78408 а.